

Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика

Полина Вячеславовна Бакулина

E-mail: pbakulina@russiancouncil.ru

Российский совет по международным делам,
Москва 119049, Российская Федерация

Ксения Алексеевна Кузьмина

E-mail: kkuzmina@russiancouncil.ru

Российский совет по международным делам,
Москва 119049, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается политика Китайской Народной Республики в области применения экономических санкций с акцентом на анализ правового регулирования ответных мер на ограничения иностранных государств. Традиционно для КНР характерно сочетание осуждения односторонних санкций на уровне официальной риторики с неформальным использованием собственного гибкого инструментария ограничений, которые могут быть введены против зарубежных партнеров в случае нанесения ущерба ключевым национальным интересам Китая. Отмечается тенденция к активизации китайской санкционной политики с ростом экономической и политической мощи КНР. На фоне углубления американо-китайской стратегической конфронтации и введения США широкого спектра антикитайских санкций в 2020 г. Китай начал развитие нормативно-правового регулирования в области противодействия зарубежным ограничениям на уровне подзаконных актов, а в 2021 г. — на уровне законодательства. Принятые по состоянию на июнь 2021 г. официальные ограничения носят индивидуальный и точечный характер. Анализ современных тенденций позволяет сделать вывод о высокой вероятности дальнейшего расширения и формализации китайской санкционной политики. В случае продолжения негативной динамики стратегических отношений КНР с США и их союзниками можно прогнозировать введение более жестких мер, способных нанести ущерб экономике стран — инициаторов санкций.

Ключевые слова: санкции, нормативно-правовое регулирование КНР, санкционная политика КНР, антикитайские санкции

JEL: F51

Для цитирования: Бакулина П. В., Кузьмина К. А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 24–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>.

© Бакулина П. В., Кузьмина К. А., 2021

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>

China's Policy of Economic Sanctions: Legislation and Enforcement

Polina V. Bakulina¹, Ksenia A. Kuzmina²

^{1,2} Russian International Affairs Council, Moscow 11904, Russian Federation

¹ pbakulina@russiancouncil.ru

² kkuzmina@russiancouncil.ru

Abstract

This article aims at analyzing the People's Republic of China's sanctions policy. The authors put special emphasis on the review of the current Chinese legislation on countering foreign unilateral measures targeting China. The emergence of a legal anti-sanctions framework in China is a development of 2020–2021, driven by the growing number of sanctions against China imposed by the U.S. and its allies against the background of trade war and global strategic competition. At the official level, Beijing remains vocal in condemning unilateral and extraterritorial sanctions by certain countries as violations of international law. Despite that, even before the current large-scale confrontation with the U.S., Chinese policymakers have used restrictive measures against third countries, though they have been traditionally adopted in an informal and opaque manner. Those measures have mostly been used as retaliation for certain acts of other states viewed by China as threats to its sovereignty and territorial integrity, and they have been specifically refined to maximize the impact on the target country while minimizing the damage to the domestic economy. The growing number of anti-China sanctions by the U.S. and its allies based on special legal instruments prompted the PRC to follow suit and create its own framework for introducing countermeasures and blocking mechanisms, although their implementation procedures still largely remain intransparent. China's first steps were to officially introduce individual restrictions, but the persisting confrontational trends in PRC's relations with the West might bring about formal or informal broadening of Chinese restrictions to transnational corporations and sectors of economy and promote further formalization of sanctions regimes.

Keywords: sanctions, legal regulations in China, China's sanctions policy, anti-China sanctions

JEL: F51

For citation: Bakulina P.V., Kuzmina K.A. China's Policy of Economic Sanctions: Legislation and Enforcement. *Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 24–38 (In Russ.).

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>.

© Bakulina P.V., Kuzmina K.A., 2021

ВВЕДЕНИЕ

Последние годы отмечены тенденцией к растущему использованию односторонних санкций как инструмента внешней политики. Введение ограничений против зарубежных государств без решения Совета Безопасности ООН характеризует в первую очередь внешнюю политику США и Европейского союза, однако данный инструментарий все чаще применяется и другими акторами международных процессов, в том числе Китайской Народной Республикой.

Возрастающее внимание к односторонним санкциям в КНР отмечается на фоне конфронтационных тенденций в китайско-американских отношениях и конкуренции за глобальное лидерство [Афонцев С., 2020]. Начиная с 2017 г. в американских стратегических документах Китай стал рассматриваться как стратегический соперник, угрожающий национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, а политика, проводимая КНР,

стала характеризоваться как прямо противоречащая американским интересам и ценностям¹. В программных заявлениях США по политике на китайском направлении отмечается, что надежды на демократизацию Китая и превращение его в страну с рыночной экономикой рухнули и требуется четкое осознание необходимости проведения политики сдерживания. С приходом администрации Дж. Байдена в китайско-американских отношениях не произошло коренных изменений, и правительство США продолжило антикитайский курс, взятый его предшественником — Д. Трампом². Эти процессы сопровождаются введением масштабных антикитайских односторонних санкций и санкционных пакетов со стороны Вашингтона. Текущие тенденции позволяют сделать вывод о маловероятности значимых позитивных изменений в китайско-американских отношениях в долгосрочной перспективе. Односторонние ограничения против КНР в связи с предполагаемыми нарушениями прав человека также вводятся ЕС³. В контексте продолжающейся конфронтации ожидается возрастание числа санкционных эпизодов [Тимофеев И. И., 2020].

Хотя ранее отмечались отдельные случаи введения неформальных санкций со стороны Китая, в текущих условиях КНР значительно активизирует свою санкционную политику. С учетом существенной внешнеполитической мощи и размеров экономики КНР, которая занимает второе место в мире по объемам ВВП, в 2020 г. достигшего 14,7 трлн долл. США⁴, китайские санкции могут оказать значительное воздействие на международные процессы и нанести существенный ущерб экономике стран — объектов санкционного воздействия (стран-целей).

Как было заявлено в отчете Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), утвержденном на четвертой сессии ВСНП 13-го созыва, для Пекина возросла важность усиления работы над правовым инструментарием, направленным на противодействие сдерживающим мерам иностранных государств и вмешательству во внутренние дела Китая⁵. Готовность китайских властей к ужесточению внешнеполитического курса и в частности санкционной политики была подтверждена и в выступлении председателя КНР на совещании по случаю 75-й годовщины победы в войне с японскими захватчиками, которое состоялось 3 сентября 2020 г. В своей речи Си Цзиньпин сформулировал «пять принципов несогласия», подчеркивающих, что народ Китая не намерен терпеть чьи-либо попытки расколоть, запугать или сбить китайское общество с пути построения социализма и общего благополучия⁶. Из этого следует, что отныне важнейшим приоритетом китайской политики является борьба против действий, подрывающих перспективы развития Китая, а также легитимность и авторитет Коммунистической партии Китая (КПК). Ожидается, что одним из ключевых аспектов такой борьбы станет развитие правовых механизмов применения санкций.

¹ *National Security Strategy of the United States of America / U.S. President, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.*

² *Remarks by President Biden on America's Place in the World / The White House. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>.*

³ *EU imposes further sanctions over serious violations of human rights around the world / European Council of the European Union. 22.03.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/03/22/eu-imposes-further-sanctions-over-serious-violations-of-human-rights-around-the-world/>.*

⁴ *World Development Indicators Database / World Bank. 01.07.2021. URL: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>.*

⁵ *Отчет о работе Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (на кит. 全国人民代表大会常务委员会工作报告) // ВСНП (на кит. 全国人民代表大会). 14.03.2021. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/kgfb/202103/84244a2f9aa84dc386484166810641e7.shtml>.*

⁶ *Си Цзиньпин выступил с речью на совещании, посвященном 75-й годовщине победы в войне сопротивления против японских захватчиков (на кит. 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利75周年座谈会上发表重要讲话) / Сайт правительства КНР. 03.09.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/03/content_5540176.htm.*

Российская Федерация в последние годы также подвергается жесткому санкционному давлению со стороны стран Запада и вводит собственные ответные меры. Принимая во внимание тесный характер российско-китайского партнерства и артикулированное лидерами двух стран намерение сообща противостоять западным санкциям⁷, для России представляется ценным изучение опыта разработки Китаем механизмов ответа на односторонние ограничительные меры иностранных государств.

Цель настоящей статьи — обзор динамики развития китайской санкционной политики и анализ созданного в 2020–2021 гг. правового инструментария, направленного на противодействие иностранным санкциям.

РАЗВИТИЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Официальная внешняя политика КНР характеризуется акцентом на приверженность нормам международного права и негативным отношением к введению зарубежными государствами односторонних ограничительных мер без решения Совета Безопасности ООН. На протяжении всей современной истории применения односторонних санкций Китай официально выступал против использования данного метода сдерживания, подчеркивая недопустимость экстерриториального применения национального законодательства⁸. Пекин также призывает другие государства противостоять практике введения отдельными странами незаконных односторонних ограничений. В частности, в июне 2019 г. на саммите G20 в Осаке состоялась неформальная встреча лидеров стран БРИКС, в ходе которой председатель КНР Си Цзиньпин призвал страны объединения совершенствовать глобальное управление и противостоять односторонним санкциям⁹.

Вместе с тем в своих отношениях с зарубежными партнерами Пекин прибегает к односторонним ограничениям как инструменту экономического и политического давления, причем вслед за ростом экономического и технологического влияния КНР в мире возрастает частота подобных эпизодов [Nephew R., 2019]. Китай использует такие меры в ответ на действия зарубежных государств, по мнению властей, непосредственно нарушающие ключевые интересы китайского народа. К таким актам, как правило, относят предполагаемые угрозы суверенитету и территориальной целостности КНР и вмешательство во внутренние дела Китая, в частности касающееся проблем Гонконга, Тайваня и Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также размещение военных баз вблизи государственных границ КНР.

Одной из основных особенностей китайской политики санкций долгое время выступал ее неформальный характер. Вплоть до 2020 г. среди инструментов давления были лишь ограничительные меры, которые вводились точно без использования специфических юридических процедур и официальной огласки. В арсенале таких «скрытых» санкций можно выделить: приостановку торговых переговоров и выдачи кредитов, отказ от заключения планировавшихся сделок, импортные и экспортные ограничения, прекращение туристических обменов, давление на отдельные компании и бойкот определенных категорий товаров. Введение этих мер опирается на избирательное использование или

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. 28.06.2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONxOFSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>.

⁸ Например, очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хун Ляя от 9 марта 2016 г. (на кит. 2016年3月9日外交部发言人洪磊主持例行记者会) / МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/t1346415.shtml; очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня от 22 июня 2021 г. (на кит. 2021年6月22日外交部发言人赵立坚主持例行记者会) / МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1885770.shtml.

⁹ Си Цзиньпин призвал страны БРИКС противостоять односторонним санкциям / РИА Новости. 29.06.2019. URL: <https://ria.ru/20190628/1555996737.html>.

ужесточение общих норм действующего законодательства в различных сферах (таможенное, антимонопольное, фитосанитарное регулирование и др.), а также на полностью неформальные действия, такие как кампании информационно-пропагандистского характера в СМИ. Китайские санкции нередко отличаются своей краткосрочностью и нацеленностью на ту сферу, удар по которой будет наиболее чувствительным для страны — объекта санкций с учетом объемов взаимодействия с Китаем и при этом не нанесет существенного вреда китайской экономике [Тимофеев И. И., 2019]. Как правило, при достижении намеченного результата, экономического или политического, все ограничения снимаются, а сотрудничество возвращается на прежний уровень [Harrel P. et al., 2018].

Так, например, в 2010 г. осужденному «за подстрекательство к подрыву государственной власти» Лю Сяобо была присуждена Нобелевская премия как активному борцу за права человека¹⁰. Данное событие было расценено Пекином как «сознательное политическое вмешательство во внутренние дела Китая»¹¹. Вскоре после этого Китаем был введен запрет на импорт лосося из Норвегии. До введения ограничений доля экспорта норвежского лосося на китайском рынке составляла 92 %, к 2013 г. эта цифра сократилась до 29 %¹². Однако ввиду того, что доля Китая в норвежском экспорте лосося весьма незначительна — всего 10,4 % по состоянию на 2010 г.¹³, китайские санкции не нанесли серьезного удара по рыбной отрасли Норвегии.

Другим показательным примером защиты КНР своих интересов являются неформальные ограничения против Республики Кореи, введенные в 2017 г. Тогда правительство Китая «порекомендовало» туроператорам приостановить продажу групповых туров в Южную Корею. Причиной этого исследователи называют подписанное накануне соглашение Вашингтона и Сеула о размещении американской противоракетной системы THAAD на Корейском полуострове, что, по мнению китайских властей, представляет потенциальную угрозу национальной безопасности [Macfarlane A., 2017]. По данным экспертов, введенное со стороны Пекина ограничение нанесло серьезный ущерб туристической отрасли Южной Кореи: число китайских туристов, прибывших в страну в марте–апреле 2017 г., сократилось на 40 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.¹⁴ В результате этого Корея потеряла 15,6 млрд долл. США [Harrel P. et al., 2018]. Помимо этого начался активный бойкот южнокорейских товаров, что нанесло ощутимый ущерб ряду крупных компаний, в особенности Lotte Group, убытки которой в марте 2017 г. составили 220 млн долл. США¹⁵. Данные меры вынудили руководство Республики Кореи пойти на компромисс и взять на себя ряд обязательств: не размещать новые комплексы американской противоракетной системы на своей территории, ограничить использование уже ввезенной системы и не создавать тройственные военные союзы с США и Японией [Кашин В. Б., Тимофеев И. И., 2021, с. 27].

Отдельно стоит отметить непрозрачный характер процедур принятия и применения неформальных ограничительных мер, вводимых Пекином, что в определенной степени

¹⁰ *The Nobel Peace Prize for 2010 / The Nobel Prize*. 08.10.2010. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2010/press-release/>.

¹¹ *Нобелевская премия Лю Сяобо — «политическая награда» Запада (на кит. 诺贝尔和平奖是西方给刘晓波的政治「犒赏」) / Посольство КНР в Норвегии*. 17.10.2010. URL: <http://www.chinese-embassy.no/chn/zjsg/sxgw/t761782.htm>.

¹² *Norway sees Liu Xiaobo's Nobel Prize hurt salmon exports to China / Financial Times*. 15.08.2013. URL: <https://www.ft.com/content/ab456776-05b0-11e3-8ed5-00144feab7de>.

¹³ *Kolstad I. Too big to fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian exports to China and foreign policy / CMI Working Paper*. 2016. URL: <https://www.cmi.no/publications/5805-too-big-to-fault>.

¹⁴ *China is crushing South Korea's tourism industry / CNN Money*. 26.04.2017. URL: <https://money.cnn.com/2017/04/26/news/chinese-tourism-south-korea/index.html>.

¹⁵ *Потери Lotte Group от санкций КНР могут составить в первой половине 2017 г. 875 млн долл. / ТАСС*. 16.04.2017. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4186614>.

усложняет анализ санкционной политики Китая. Ряд российских экспертов утверждает, что решения о введении подобных неформальных ограничений принимает Малая руководящая группа по внешней политике ЦК КПК, а их практическая реализация находится в зоне ответственности таможенных органов, органов санитарного контроля и других административных органов [Кашин В. Б. и др., 2020, с. 136].

По мере обострения конфронтации в китайско-американских отношениях, роста экономического давления и нарастающих попыток США проводить политику сдерживания в отношении КНР в политике санкций Пекина наметились новые тенденции. Расширение антикитайских односторонних ограничительных мер побудило Китай перейти к формализации санкций.

В период 2017–2019 гг. США ввели санкции в отношении 118 китайских физических и юридических лиц. Для сравнения: в 2014–2016 гг. американские санкции были наложены лишь на 28 граждан и организаций КНР [Rosenberg E. et al., 2020, с. 12]. В 2020–2021 гг. на фоне попыток обвинить Китай в нарушениях прав человека и распространении пандемии COVID-19 число санкционных эпизодов резко возросло [Кашин В., Тимофеев И., 2021]. К наиболее громким и чувствительным антикитайским санкциям последних лет относят дела против ZTE и Huawei, которые нанесли значительный урон китайскому технологическому сектору. Так, давление на китайскую компанию Huawei началось в мае 2019 г., когда президент США Д. Трамп ввел запрет для американских компаний на поставку комплектующих и технологий для Huawei. Со временем давление только усилилось — в 2020 г. под ограничения Министерства торговли США попал целый ряд дочерних предприятий Huawei, что сильно усложнило ее деятельность.

13 июля 2020 г. состоялась очередная пресс-конференция представителя МИД КНР, на которой было официально объявлено, что китайское правительство приняло решение о введении зеркальных мер в ответ на американские санкции, принятые накануне в отношении четырех китайских чиновников и одной организации из-за ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе¹⁶. 8 августа 2020 г. официальный представитель МИД КНР заявил о вступлении в силу контрмер в отношении 11 американских официальных лиц. Это стало ответным шагом на санкции против главы Гонконга и десяти других представителей администрации, введенные США за два дня до этого¹⁷. Однако в обоих случаях не было объявлено ни о конкретных ограничениях, ни о контролирующем органе, который будет нести ответственность за исполнение решения правительства.

После этого Китай приступил к разработке и юридическому закреплению рамочных механизмов противодействия зарубежным ограничениям и введения контрсанкций. Заявленные цели создания правовых инструментов включают обеспечение государственной безопасности Китая и защиту интересов китайских компаний и граждан, в том числе снижение рисков приостановки поставок жизненно необходимой продукции. По мнению китайских экспертов, это послужит сдерживающим механизмом для враждебных сил¹⁸.

Переход к использованию формальных санкций не означает отказа КНР от применения неформальных ограничительных инструментов. Так, в 2020–2021 гг. в ответ на призывы Австралии провести расследование происхождения COVID-19, ограничения

¹⁶ Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on July 13, 2020 / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 17.07.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1797455.shtml.

¹⁷ Zhao Lijian's Regular Press Conference on August 10, 2020 / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 10.08.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1805288.shtml.

¹⁸ Длинная рука китайского правосудия дотянется до США / Независимая газета. 08.06.2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-06-08/6_8168_china.html.

деятельности Huawei и отказа от ряда сделок в рамках Инициативы пояса и пути¹⁹ Китай существенно ограничил импорт некоторых категорий австралийских товаров и приостановил функционирование двустороннего стратегического экономического диалога²⁰.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР В ОБЛАСТИ САНКЦИЙ

Отсутствие законодательного регулирования санкций в КНР создавало некоторое неравновесие, поскольку в США действует разветвленная система нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок разработки, принятия и применения ограничительных мер против иностранных государств, в том числе против КНР. Введение пакетов санкций и разработка дополнительных актов стало важным элементом внешней политики США на китайском направлении [Cooper Z., Lorber E., 2016], в то время как китайская сторона могла использовать в качестве ответа только неформальные механизмы. Разработка и формализация инструментов противодействия санкциям в КНР также соответствует общей тенденции ужесточения китайской внешней политики и риторики в публичном поле на фоне нарастания американо-китайской конфронтации. Китай дает сигнал США и международному сообществу в целом о готовности к принятию жестких ответных мер с использованием тех же инструментов, которые принял на вооружение его стратегический соперник.

Кроме того, отсутствие законодательства в области санкций делало китайские компании и отдельных граждан Китая уязвимыми и незащищенными перед дискриминационными мерами Запада, поскольку у юридических и физических лиц, пострадавших от зарубежных санкций, отсутствовали специальные инструменты правовой поддержки и компенсации нанесенного им материального ущерба. Китай мог прибегать к инструментам неформальной и адресной помощи подсанкционным компаниям и гражданам, однако расширение антикитайских ограничительных мер экстерриториального характера ставило вопрос о создании механизмов, предотвращающих соблюдение таких мер третьими лицами и позволяющих получить возмещение убытков от частных субъектов, соблюдающих иностранные санкции.

Намерение КНР развить правовой инструментарий в санкционной области было озвучено в 2019 г. после включения Министерством торговли США китайской телекоммуникационной компании Huawei в свои черные списки²¹. Об официальном начале работы в этом направлении было заявлено в Решении ЦК КПК «О некоторых важных вопросах поддержки и совершенствования системы социализма с китайской спецификой и продвижения модернизации государственной системы и способности управления»²² в ноябре 2019 г. и в Рекомендациях ЦК КПК и Государственного совета КНР по

¹⁹ Инициатива пояса и пути (ИПП) была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Заявленные цели Инициативы состоят в продвижении инфраструктурной связанности, развитии регионального экономического партнерства и укреплении сотрудничества КНР со странами Азии, Европы и других регионов. ИПП включает концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века» и представляет собой набор совместных двусторонних и многосторонних проектов с китайским участием в таких сферах, как транспортная инфраструктура, инвестиции, финансы, высокие технологии, образование и др. [Киреева А. А., 2018].

²⁰ China «indefinitely» suspends key economic dialogue with Australia / BBC News. 06.05.2021. URL: <https://www.bbc.com/news/business-57004797>.

²¹ Пресс-секретарь Министерства коммерции КНР отвечает на вопросы журналистов о введении в Китае перечня ненадежных лиц (на кит. 商务部新闻发言人就中国将建立“不可靠实体清单”制度答记者问) / Министерство коммерции КНР. 31.05.2019. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/xwfbh/20190531.shtml>.

²² Решение ЦК КПК «О некоторых важных вопросах поддержки и совершенствования системы социализма с китайской спецификой и продвижения модернизации государственной системы и способности управления» (на кит. 中共中央关于坚持和完善中国特色社会主义制度 推进国家治理体系和治理能力现代化若干重大问题的决定) / Центральное народное правительство. 05.11.2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-11/05/content_5449023.htm.

ускоренному совершенствованию социалистической рыночной экономической системы новой эпохи²³ в мае 2020 г.

Первый правовой механизм противодействия иностранным санкциям был создан в сентябре 2020 г. на уровне подзаконного акта. Им стало опубликованное Министерством коммерции КНР Положение «О перечне ненадежных лиц» (Приказ Министерства коммерции КНР № 4 от 19.09.2020)²⁴, определяющее основные правила введения ограничений на деятельность иностранных лиц и компаний, угрожающих безопасности, суверенитету и интересам КНР, а также применяющих против китайских компаний и граждан Китая любые дискриминационные меры. Примечательно, что как возможные основания включения в Перечень ненадежных лиц также упомянуты нарушение принципов нормальных деловых операций или прерывание нормальных торговых операций с физическими и юридическими лицами китайской юрисдикции.

Согласно ст. 4 данного акта ответственным органом за включение иностранных компаний и отдельных лиц в санкционные списки выступает межведомственная комиссия, сформированная из представителей министерств Государственного совета КНР, точный состав которой не разглашается. Решение о внесении иностранных лиц или организаций в перечень ненадежных принимается после проведения расследования, результаты которого должны быть оглашены публично. Отдельно стоит отметить, что процедура проведения расследования, в том числе сроки и порядок его проведения, основания для прекращения или возобновления приказом не регламентируются. При принятии решения учитывается степень ущерба суверенитету, безопасности и развитию КНР, степень ущерба, нанесенного китайским гражданам и организациям, и степень соблюдения предполагаемым недружественным лицом общепринятых международных торговых правил.

В ст. 10 определяются меры, которые могут быть приняты в отношении лиц или организаций, включенных в перечень ненадежных:

- 1) ограничение или запрет на ведение импортно-экспортной деятельности, связанной с КНР;
- 2) ограничение или запрет на осуществление инвестиционной деятельности на территории КНР;
- 3) ограничение на въезд на территорию КНР;
- 4) ограничение или аннулирование разрешения на работу, проживание или пребывание на территории КНР;
- 5) наложение штрафа;
- 6) другие необходимые меры.

Предусмотренные Положением санкции носили индивидуальный характер, однако наличие в инструментарии экономических мер позволило бы Пекину вводить чувствительные для иностранных государств ограничения посредством внесения в Перечень крупных компаний, работающих на китайском рынке.

Даже в условиях формализации санкционного инструментария механизм правоприменения, в том числе порядок контроля над соблюдением ограничений импортно-экспортной и инвестиционной деятельности, остается непрозрачным. Вместе с тем Положение в ст. 12 предусматривает возможность получения в случае необходимости специального разрешения на экспортно-импортные операции с подсанкционными лицами.

²³ Рекомендации ЦК КПК и Государственного совета КНР по ускоренному совершенствованию социалистической рыночной экономической системы новой эпохи (на кит. 中共中央 国务院关于新时代加快完善社会主义市场经济体制的意见) / Центральное народное правительство. 18.05.2020. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-05/18/content_5512696.htm.

²⁴ Приказ Министерства коммерции КНР о Положении «О перечне ненадежных лиц» № 4 (на кит. 商务部令 2020年第4号 不可靠实体清单规定) / Министерство коммерции КНР. 19.09.2020. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/fwzl/202009/20200903002593.shtml>.

Представляется, что данная норма позволит минимизировать ущерб для китайской экономики при распространении санкций на значимые иностранные компании.

По состоянию на июнь 2021 г. Перечень ненадежных лиц не опубликован. После его формализации Пекин продолжил введение односторонних мер против иностранных граждан и организаций (см. табл. 1). Информация о мерах обнаружится Министерством иностранных дел КНР²⁵ без формального указания на их включение в Перечень и в целом юридические процедуры принятия этих санкций.

Таблица 1

**Официальные санкции КНР, введенные после принятия
Положения «О перечне ненадежных лиц» /
China's official sanctions adopted after the enactment of the Unreliable Entity List**

Дата	Причина для введения санкций	Физические и юридические лица, подпадавшие под санкции	Принятые меры
26.10.2020	22 октября 2020 г. США одобрили новую поставку партии вооружения на Тайвань на сумму 1,8 млрд долл.	Lockheed Martin, Boeing Defense, Space & Security (BDS), Raytheon; физические лица, непосредственно участвовавшие в сделке (имена не разглашаются)	Не разглашаются
10.12.2020	8 декабря 2020 г. США объявили о включении 14 руководителей Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР в список санкционных мер по Гонконгу	Должностные лица из числа представителей исполнительной власти США: члены Конгресса США, сотрудники неправительственных организаций США; ближайшие родственники лиц, перечисленных выше (имена не разглашаются)	Отменен безвизовый режим для временных визитов в специальные административные районы Гонконг и Макао для граждан США — владельцев дипломатических паспортов
20.01.2021	Вмешательство во внутренние дела Китая	Майк Помпео, Питер Наварро, Роберт О'Брайен, Дэвид Стилуэлл, Джон Болтон, Стивен Бэннон, Мэтью Поттингджер, Алекс Азар II, Кейт Крач, Келли Крафт, 10 других лиц из администрации Д. Трампа (их имена не разглашаются); ближайшие родственники лиц, перечисленных выше	Запрет на въезд на территорию КНР (включая специальные административные районы Гонконг и Макао). Запрет на ведение бизнеса с китайскими компаниями и гражданами КНР
22.03.2021	22 марта 2021 г. ЕС ввел санкции в отношении четырех физических лиц и одной юридической компании КНР из-за ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	Сьерд Вимер Сьердсма, Самюэль Коголати, Довиле Шакалене, Бьорн Ерден, Адриан Ценц, Комитет по политике и безопасности Совета ЕС, Комитет по правам человека Европарламента, Берлинский институт Меркатора по изучению Китая, Альянс демократических фондов Дании; ближайшие родственники лиц, перечисленных выше	Запрет на въезд на территорию КНР (включая специальные административные районы Гонконг и Макао). Запрет на ведение бизнеса с китайскими компаниями и гражданами КНР

²⁵ Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня от 26.10.2020 (на кит. 2020年10月26日外交部发言人赵立坚主持例行记者会) / МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/zqjd/t1826627.shtml; очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня от 10.12.2020 (на кит. 2020年12月10日外交部发言人赵立坚主持例行记者会) / МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1823326.shtml; пресс-секретарь МИД КНР сообщил о введении Китаем санкций в отношении физических и юридических лиц ЕС (на кит. 外交部发言人宣布中方对欧盟有关机构和人员实施制裁) / Министерство иностранных дел КНР. 22.03.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1863102.shtml; пресс-секретарь МИД КНР сообщил о введении Китаем санкций в отношении физических и юридических лиц Великобритании (на кит. 外交部发言人宣布中方对英国有关机构和人员实施制裁) / Министерство иностранных дел КНР. 26.03.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1864363.shtml; пресс-секретарь МИД КНР сообщил о введении Китаем санкций в отношении физических и юридических лиц США и Канады (на кит. 外交部发言人宣布对美国、加拿大有关人员和实体实施制裁) / Министерство иностранных дел КНР. 27.03.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1864786.shtml.

Дата	Причина для введения санкций	Физические и юридические лица, подпавшие под санкции	Принятые меры
26.03.2021	22 марта 2021 г. Великобритания ввела санкции в отношении четырех физических лиц и одной юридической компании КНР из-за ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	Том Тугендхат, Иэн Дункан Смит, Нил О'Брайен, Дэвид Альтон, Тим Лоутон, Нусрат Гани, Хелена Кеннеди, Джеффри Найс, Джоан Никола Смит Финли, Chinese Research Group, Комиссия по правам человека Консервативной партии Великобритании, Уйгурский трибунал, Essex Court Chambers; ближайшие родственники лиц, перечисленных выше	Запрет на въезд на территорию КНР (в т. ч. Гонконг и Макао). Запрет на ведение бизнеса с китайскими компаниями и гражданами КНР. Замораживание движимого, недвижимого и другого имущества, находящегося на территории КНР. Китай оставляет за собой право на принятие дополнительных мер
27.03.2021	22 марта 2021 г. США ввели санкции в отношении двух граждан Китая из-за ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а власти Канады в тот же день ввели санкции в отношении четырех граждан КНР и одной организации по той же причине, что и американские власти	Гейл Манчин, Тони Перкинс, Майкл Чонг, Подкомитет по международным правам человека Постоянного комитета по иностранным делам и международному развитию палаты общин Канады	Запрет на въезд на территорию КНР (включая специальные административные районы Гонконг и Макао). Запрет на ведение бизнеса с китайскими компаниями и гражданами КНР

Источник: составлено авторами на основе данных, опубликованных Министерством иностранных дел КНР / Source: Compiled by the authors based on data published by the Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что с учреждением в КНР механизма правового регулирования характер китайских санкций не претерпел серьезных изменений — Китай продолжил позиционировать санкции лишь как вынужденную контрмеру, которая может быть применена в случае нарушения коренных национальных интересов китайского народа. Официально опубликованные ограничительные меры носят точечный и символический характер, не предполагая нанесения существенного ущерба экономическим связям между КНР и странами-целями.

Ввиду отсутствия в Положении механизма правовой защиты китайских граждан законодательство КНР в этой области требовало дополнительной разработки. 9 января 2021 г., после информации о готовящихся новых торговых и инвестиционных ограничениях со стороны США²⁶, Министерство коммерции КНР приняло Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер²⁷, направленные на блокирование экстерриториальных санкций и иных мер иностранных государств, негативно влияющих на китайскую экономику. Правила во многом схожи с Блокирующим статутом ЕС, разработанным в тех же целях²⁸.

²⁶ Swan J., Allen-Ebrahimian B. Scoop: Trump plans last-minute China crackdown / *Axios*. 05.11.2020. URL: <https://www.axios.com/trump-plans-last-minute-china-crackdown-fbac3d03-5901-4abd-822f-2a8956a666ad.html>.

²⁷ Правила по противодействию необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер (Приказ Министерства коммерции № 1 от 2021 г.) (на кит. 商务部令2021年第1号 阻断外国法律与措施不当域外适用办法) / Министерство коммерции КНР. 09.01.2021. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/c/202101/20210103029710.shtml>.

²⁸ Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 / *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01996R2271-20180807>. Регламент был принят Европейским союзом в 1996 г. в целях предупреждения нанесения ущерба европейским компаниям в связи с экстерриториальными санкциями третьих стран. Среди его инструментов — запреты следовать иностранным нормативным актам и судебным решениям по введению односторонних ограничений и механизмы возмещения ущерба от их соблюдения третьими лицами. Цели Регламента, по оценкам экспертов, включают не только защиту европейских лиц, но и публичное осуждение необоснованных санкционных режимов на политическом уровне [Потемкина О., 2018].

Нормативно-правовой акт предусматривает создание межведомственной комиссии, которая под руководством Министерства коммерции КНР будет выдавать «запретительные приказы» об освобождении от соблюдения экстерриториально применяемого иностранного законодательства в случае, если оно:

- 1) нарушает международное право и основные принципы международных отношений;
- 2) может оказать влияние на национальный суверенитет, безопасность и интересы Китая в области развития;
- 3) может оказать влияние на законные права и интересы китайских граждан, юридических лиц и других организаций.

К китайским гражданам и компаниям, нарушающим «запретительные приказы», могут быть применены такие санкции, как предупреждение, предписание о корректировке поведения в течение определенного срока и штраф. При этом в ст. 8 предусмотрена возможность для китайских физических и юридических лиц получить освобождение от соблюдения «запретительного приказа».

Правила также создали механизм правовой защиты: физические и юридические лица, пострадавшие от экстерриториального применения иностранного законодательства, на которое наложен «запретительный приказ», в том числе в случае соблюдения данных мер их контрагентами или принятия на их основе судебных и иных решений, могут обратиться в народные суды Китая для получения компенсации. Таким образом, если в производстве совместного продукта задействованы две компании, одна из которых соблюдает наложенные иностранным государством санкции, тем самым нанося ущерб китайской компании, эта компания вправе подать иск в суд с требованием возместить убытки. Кроме того, согласно ст. 11 акта в случае, если китайское юридическое или физическое лицо не соблюдает меры иностранного государства в соответствии с «запретительным приказом» и несет вследствие этого существенные убытки, государственные органы могут оказать данному субъекту таргетированную поддержку.

По мнению авторов, важной целью Правил является минимизация негативных эффектов от соблюдения иностранными и даже китайскими гражданами и организациями санкций США под угрозой вторичных санкций. Правовой механизм, посредством которого Пекин надеется защитить интересы физических и юридических лиц в китайской юрисдикции, носит достаточно гибкий характер, предусматривая предупреждение подпадения китайских лиц под американские вторичные санкции и создавая возможности для компенсации ущерба от действия самих «запретительных приказов».

Ожидается, что данным механизмом правовой защиты смогут воспользоваться компании, пострадавшие от ограничений США в отношении китайского производителя полупроводников SMIC²⁹. По состоянию на июнь 2021 г. практика применения данного нормативно-правового акта недоступна в открытых источниках.

Разработка нормативно-правового регулирования в области противодействия зарубежным ограничениям продолжилась уже на уровне законодательства. В апреле 2021 г. на 28-м заседании Постоянного комитета 13-го созыва Всекитайского собрания народных представителей КНР в первом чтении был рассмотрен законопроект о противодействии иностранным санкциям. Законопроект был признан целесообразным и своевременным, но отправлен на доработку³⁰. 10 июня 2021 г. в ходе 29-й сессии ПК ВСНП закон был принят и обнародован.

²⁹ Вайвадс Я. Щит и меч из Европы, или как Китай блокирует санкции США / *Asia Business Blog*. URL: <https://asiablog.com/2021/02/shhit-i-mech-iz-evropy-ili-kak-kitaj-blokiruet-sanktsii-ssha/>.

³⁰ Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня от 8 июня 2021 г. (на кит. 2021年6月8日外交部发言人赵立坚主持例行记者会) / *МИД КНР*. 22.06.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1882167.shtml.

Закон КНР о противодействии иностранным санкциям³¹ наделил Государственный совет КНР и его органы правом принятия решений о включении в контрсанкционные списки отдельных лиц и организаций, прямо или косвенно принимающих участие в разработке, принятии и применении дискриминационных мер против Китая в нарушение международного права и основных норм международных отношений, а также осуществляющих вмешательство во внутренние дела и угрожающих суверенитету, безопасности и интересам Китая.

Помимо вышеперечисленных лиц и организаций соответствующие органы Государственного совета КНР теперь могут принимать решения о наложении мер на следующие категории лиц:

- 1) супруги и ближайшие родственники лиц, включенных в список контрмер;
- 2) высшие должностные лица организаций, включенных в список контрмер, либо фактически контролирующие их лица;
- 3) организации, чьи высшие должностные лица попали в список контрмер;
- 4) лица, участвовавшие в создании или непосредственной деятельности организаций, включенных в список контрмер, а также контролирующие их.

Закон определяет контрмеры, которые Госсовет КНР и его органы могут применять в отношении лиц и организаций, подпадающих под данные критерии:

- 1) отказ в выдаче визы, отказ во въезде, аннулирование визы или депортация;
- 2) арест, конфискация или замораживание движимого, недвижимого и другого имущества, находящегося на территории КНР;
- 3) запрет или ограничение сделок, сотрудничества и осуществления иных видов деятельности с организациями и частными лицами КНР;
- 4) другие необходимые меры.

В Законе также прописано, что право на приостановку, изменение или отмену контрмер остается за соответствующими органами Госсовета КНР. Официальное опубликование списка контрсанкций и обнародование вносимых в него изменений осуществляется Министерством иностранных дел КНР. Обязательство соблюдать контрсанкции возлагается на китайских граждан и организации.

Стоит отдельно отметить, что Закон также содержит направленные на защиту интересов китайских граждан и организаций нормы, схожие с положениями Правил Министерства коммерции. Так, ст. 12 предписывает, что, если организации и физические лица нарушают законные права и интересы китайских граждан или организаций, китайские граждане и организации могут инициировать судебный процесс в народных судах с требованиями о прекращении соответствующих действий и возмещении ущерба.

Таким образом, Закон во многом обобщает нормы двух принятых ранее подзаконных актов и частично детализирует особенности правоприменения, хотя и не содержит подробной регламентации контрольных процедур. Важно подчеркнуть размытый характер формулировок данного закона, который позволяет включать в сферу его действия широкий круг лиц и организаций и принимать неограниченный спектр мер — как символического характера, так и чувствительных для экономики стран — объектов санкций и мировой экономики в целом.

Анализ формальных односторонних мер, введенных Китаем к моменту принятия данного закона, свидетельствует об осторожном применении Пекином данного инструмента на официальном уровне. Представляется, что с учетом значительной взаимозависимости экономик Китая и стран Запада в ближайшей перспективе КНР продолжит вводить ограниченные формальные контрсанкции, преимущественно символического и строго

³¹ Закон КНР о противодействии иностранным санкциям (на кит. 中华人民共和国反外国制裁法) / ВСНП. 10.06.2021. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/d4a714d5813c4ad2ac54a5f0f78a5270.shtml>.

таргетированного характера, чтобы предупредить негативное воздействие на собственную экономику в условиях глобальной рецессии. При этом узкие формальные меры по-прежнему могут сочетаться с активным использованием инструментария неофициальных ограничений.

В случае дальнейшей эскалации конфронтации Китая с Западом в действующих правовых рамках могут быть введены более жесткие меры, затрагивающие крупные иностранные предприятия, запрет на деятельность которых на китайском рынке будет чувствительным для страны, против которой введены санкции. Возможное введение ограничений секторального характера на официальном уровне потребует выработки уже нового регулирования [Bush N., Xu R., 2021; Bush N. et al., 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономические санкции прочно вошли во внешнеполитический инструментарий Китая. В течение длительного времени Пекин предпочитал использовать широкий спектр непрозрачных неформальных ограничений, однако нарастание давления со стороны Запада, в ходе которого Китай становится объектом многочисленных санкций США и их союзников, побудило КНР перейти к созданию комплексного механизма противодействия иностранным ограничительным мерам на уровне законодательства. Этот механизм состоит из двух компонентов: контрмеры и средства компенсации негативного воздействия зарубежных санкций. В то же время Пекин не отказывается и от неофициального использования средств экономического давления.

Формулировки действующего Закона КНР о противодействии иностранным санкциям позволяют вводить широкий спектр контрсанкций против обширного круга лиц, однако возможные ограничения пока могут носить только индивидуальный характер. Процедуры правоприменения, в том числе механизмы имплементации мер и контроля над их соблюдением, по-прежнему остаются непрозрачными.

На текущем этапе формальные контрсанкции вводятся исключительно в ответ на недружественные действия иностранных государств и носят точечный характер, не затрагивая торговые и финансовые связи с Западом. Они, однако, могут сочетаться с более гибкими неформальными механизмами, эффективность которых обусловлена масштабами китайского рынка. Рост напряженности в американо-китайских отношениях может привести к эскалации «санкционной войны» и побудить Пекин перейти к введению более жестких контрсанкций — против транснациональных корпораций, получающих существенную долю прибыли на китайском рынке, — а также к крупным судебным процессам по возмещению ущерба от экстерриториального применения санкций. Сохраняющаяся экономическая взаимозависимость Китая и Запада обуславливает осторожность сторон во введении масштабных ограничений. Вероятность дальнейшего развития правового инструментария и перехода к масштабным, в том числе секторальным санкциям, будет связана с возможным раскручиванием текущего тренда на экономическое «расцепление» и с ростом автономности стратегически важных отраслей китайской экономики.

Список источников

- Афонцев С. Воздействие американо-китайского «расщепления» на мировую экономику и риски для России / Российский совет по международным делам, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/vozdeystvie-amerikano-kitayskogo-rastsepleniya-na-mirovuyu-ekonomiku-i-riski-dlya-rossii/>.
- Кашин В., Пятачкова А., Крашенинникова Л. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 123–138.
- Кашин В., Тимофеев И. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? / Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/37874/>.
- Киреева А. А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 61–74.
- Потемкина О. Блокирующий статут как инструмент суверенной торговой политики ЕС. Аналитическая записка № 50 / Институт Европы РАН, 2018. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an146.pdf>.
- Тимофеев И. Администрация США против КНР / Международный дискуссионный клуб «Валдай», 25.06.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/administratsiya-ssha-protiv-kr/>.
- Тимофеев И. Азия под огнем санкций США / Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/30669/>.
- Bush N., Tao P., Xu R. et al. China's Blocking Rules: New trade-compliance dilemmas for third-country / DLA Piper. January 25, 2021. URL: <https://www.dlapiper.com/en/us/insights/publications/2021/01/chinas-blocking-rules-new-trade-compliance-dilemmas-for-third-country-companies/>.
- Bush N., Xu R. China's Expanding Economic Sanctions Regime / DLA Piper. March 31, 2021. URL: <https://www.dlapiper.com/en/global/insights/publications/2021/03/chinas-expanding-economic-sanctions-regime/>.
- Cooper Z., Lorber E. Sanctioning the Dragon: Using Statecraft to Shape Chinese Behavior / Lawfare. March 13, 2016. URL: <https://www.lawfareblog.com/sanctioning-dragon-using-statecraft-shape-chinese-behavior>.
- Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for New American Security Report, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures>.
- Macfarlane A. China is Crushing South Korea's Tourism Industry / CNN Money. April 26, 2017. URL: <https://money.cnn.com/2017/04/26/news/chinese-tourism-south-korea/index.html>.
- Nephew R. China and Economic Sanctions: Where Does Washington Have Leverage? / Global China, 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/09/FP_20190930_china_economic_sanctions_nephew.pdf.
- Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S.-China Relationship / Center for New American Security Report, 2020. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition>.

References

- Afontsev S. (2020). Impact of the US-China Decoupling on the Global Economy and Risks for Russia. Russian International Affairs Council (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/vozdeystvie-amerikano-kitayskogo-rastsepleniya-na-mirovuyu-ekonomiku-i-riski-dlya-rossii/>.
- Bush N., Tao P., Xu R. et al. (2021). China's Blocking Rules: New trade-compliance dilemmas for third-country. DLA Piper, January 25. Available at: <https://www.dlapiper.com/en/us/insights/publications/2021/01/chinas-blocking-rules-new-trade-compliance-dilemmas-for-third-country-companies/>.
- Bush N., Xu R. (2021). China's Expanding Economic Sanctions Regime. DLA Piper, March 31. Available at: <https://www.dlapiper.com/en/global/insights/publications/2021/03/chinas-expanding-economic-sanctions-regime/>.
- Cooper Z., Lorber E. (2016). Sanctioning the Dragon: Using Statecraft to Shape Chinese Behavior. Lawfare, March 13. Available at: <https://www.lawfareblog.com/sanctioning-dragon-using-statecraft-shape-chinese-behavior>.
- Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. (2018). China's Use of Coercive Economic Measures. Center for New American Security Report. Available at: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures>.
- Kashin V., Pyatachkova A., Krashenninnikova L. (2020). Chinese Economic Sanctions Policy: Theory and Practice. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*, vol. 11, no. 2, pp. 123–138 (In Russ.).
- Kashin V., Timofeev I. (2021). US-China Relations: Moving Towards a New Cold War? Foundation for the Development and Support of Valdai Discussion Club (In Russ.). Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/37874/>.
- Kireeva A. (2018). Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*, vol. 9, no. 3, pp. 61–74 (In Russ.).
- Macfarlane A. (2017). China is Crushing South Korea's Tourism Industry. CNN Money, April 26. Available at: <https://money.cnn.com/2017/04/26/news/chinese-tourism-south-korea/index.html>.
- Nephew R. (2019). China and Economic Sanctions: Where Does Washington Have Leverage? Global China. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/09/FP_20190930_china_economic_sanctions_nephew.pdf.

Potemkina O. (2018). EU Blocking Statute as an Instrument of its Sovereign Trade Policy. Institute of Europe of the Russian Academy of Science (In Russ.). Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an146.pdf>.

Rosenberg E., Harrell P., Feng A. (2020). A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S.-China Relationship. Center for New American Security Report. Available at: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition>.

Timofeev I. (2020). US Administration versus China. Valdai Discussion Club (In Russ.). Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/administratsiya-ssha-protiv-knr/>.

Timofeev I. (2019). Asia Under the Fire of US Sanctions. Foundation for the Development and Support of Valdai Discussion Club (In Russ.). Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/30669/>.

Информация об авторах

Полина Вячеславовна Бакулина, программный координатор Российского совета по международным делам, г. Москва

Ксения Алексеевна Кузьмина, заместитель программного директора Российского совета по международным делам, г. Москва

Information about the authors

Polina V. Bakulina, Program Coordinator, Russian International Affairs Council, Moscow

Ksenia A. Kuzmina, Deputy Director of Programs, Russian International Affairs Council, Moscow

Статья поступила в редакцию 02.07.2021

Одобрена после рецензирования 22.07.2021

Принята к публикации 19.08.2021

Article submitted July 2, 2021

Approved after reviewing July 22, 2021

Accepted for publication August 19, 2021